

НАБОР

ДЛЯ

БОЛГА

7.83 Гц

НАБОР
ЮНОГО ФИЗИКА

• РОМАН-ГИПОТЕЗА •

ВЛАДИМИР БОЛОНОВ

Владимир Болонов
"НАБОР ДЛЯ БОГА"

«Автор»

2026

Болонов В. А.

"НАБОР ДЛЯ БОГА" / В. А. Болонов — «Автор», 2026

Набор для бога Что, если мальчишка из колхоза сможет создать технологию, которая перевернёт мир, начав с магнита и горсти опилок? Владимир Кондрашов — деревенский самоучка, прошедший путь от помощника комбайнёра до создателя системы, способной заменить спутниковую связь. Всю жизнь его ведёт одна гипотеза: что, если магнитное поле Земли — это не просто физическое явление, а память планеты? Её дыхание? Её язык? От советского детства и лихих 90-х — к нефтяному Северу, отчаянной сделке с арабским шейхом и секретному проекту, который стирает грань между наукой и чудом. История о поиске, предательстве, любви и возвращении к себе. «Набор для бога» — роман-гипотеза на стыке научной фантастики, технотриллера и почти возможной физики. Книга, которая заставит вас поверить в невозможное. Потому что настоящий «набор для бога» — это не технология. Это способность слышать то, что мир говорит тебе с самого начала.

© Болонов В. А., 2026

© Автор, 2026

Владимир Болонов

"НАБОР ДЛЯ БОГА"

«НАБОР ДЛЯ БОГА»

Роман гипотеза

АННОТАЦИЯ

«О сколько нам открытий чудных

Готовят просвещенья дух

И опыт, сын ошибок трудных,

И гений, парадоксов друг...»

Володя Кондрашев получил на тринадцатилетие подарок. «Набор юного физика» Кто оставил их на крыльце — неизвестно. Записка гласит: «Кто ищет, тот всегда найдёт».

А пока он просто мальчишка из степного посёлка, который рассыпает металлические опилки на стекле и замирает, глядя, как они выстраиваются в дугу.

С этого подарка начинается одержимость, которая проведёт его через работу на комбайне и армейскую казарму, через «лихие девяностые», видеосалон и нефтяные вахты. Он переживёт двойное предательство брата и операцию с риском ослепнуть. Построит бизнес с нуля, станет миллиардером и уйдёт из оперативного управления, чтобы вернуться к главному — доказать то, во что официальная наука отказывалась верить тридцать лет: гравитацию можно победить, если не ломать природу, а слушать её.

Основанный на реальных физических эффектах и гипотезах, роман предлагает новый взгляд на природу реальности. Это история о человеке, который услышал дыхание Земли — и научился дышать с ней в унисон.

ПРОЛОГ

Лаборатория встретила его гулом.

Насосы держали низкий, тяжёлый бас, гоня жидкий азот по замкнутому контуру. Трансформаторы пели чуть выше. Осциллографы ввинчивались в тишину тонким комариным писком. Пахло озоном, нагретым металлом и чем-то ещё — едва уловимым, как воздух перед грозой.

Володя остановился у входа и на секунду прикрыл глаза.

Дом. Не тот, где стены и крыша. Настоящий — здесь. Среди кабелей, гудящих стоек, дрожащих индикаторов и людей, которые давно перестали быть просто сотрудниками.

В центре зала, на виброизолирующей плите, стояла установка. Тороидальные катушки из сверхпроводника. Блоки керамокомпозита. Высоковольтные разрядники, залитые в серый компаунд. Внутри прозрачной вакуумной камеры медленно вращалось плазменное кольцо — тусклое, багровое, похожее на живое сердце.

В обычные дни машина казалась мёртвой. Но сейчас она дышала.

На дальней стене висела старая звёздная карта, приколотая посередине ржавым циркулем.

Шукин стоял в дверях, нервно крутя в пальцах обрывок провода. Очки, как всегда, забыты на лбу.

— Ну? — спросил он хрипло.

Володя не ответил. Он смотрел на старый армейский секундомер у себя на запястье. Потёртый ремешок въелся в кожу за столько лет, что казался частью руки.

Справа Петровна украдкой крестилась у осциллографа. Слева Сомов нервно кусал губу, не отрывая взгляда от монитора.

В лаборатории стало так тихо, что слышно было, как в соседнем помещении капнул конденсат из дренажной трубки.

Потом Володя медленно поднял голову.

— Расхождение меньше порога флуктуаций, — сказал он спокойно. — Объект вернулся раньше точки регистрации.

Щукин моргнул.

— Насколько раньше?

Володя посмотрел на экран ещё раз.

— На три наносекунды.

Никто не пошевелился.

Сомов сорвался первым:

— Этого не может быть. Если метка вернулась раньше — значит... значит...

— Значит, фильтр ошибся, — быстро сказал Щукин, но голос его уже дрогнул.

— Фильтр не ошибся, — глухо ответила Петровна.

И снова стало тихо. Володя смотрел на установку.

Щукин вдруг коротко засмеялся — нервно, почти испуганно.

— Господи... Володя... ты понимаешь, что это значит?

Молодые физики заговорили разом. Сомов что-то быстро доказывал, размахивая руками. Щукин полез обниматься. Только Петровна сидела молча и смотрела на зелёную линию осциллографа.

Володя поднял руку.

— На сегодня всё.

Но его никто не услышал.

— Всё! — повторил он жёстче. — Завтра проверим ещё раз. На холодную голову. А сейчас всем по домам, отдыхать.

— Да кто теперь уснёт? — выдохнул Щукин.

Володя слабо усмехнулся:

— Это уже ваши проблемы.

Постепенно лаборатория опустела. Сначала ушёл Сомов, продолжая что-то считать прямо на ходу. Потом Петровна, накинув старую шерстяную кофту поверх халата. Щукин задержался последним.

Он встал у двери, сунув руки в карманы.

— Ты ведь всё равно сегодня ещё попробуешь, да?

Володя не ответил. И этого оказалось достаточно. Щукин долго смотрел на него. Потом медленно кивнул.

— Только не перепутай ничего.

Когда дверь за ним закрылась, стало совсем тихо. Остался только дежурный янтарный свет над пультом.

Володя медленно сел в кресло. Старый механизм привычно скрипнул под весом тела. Он больше не был Владимиром Александровичем Кондрашовым — создателем «ПРИЗМЫ», миллиардером, руководителем лаборатории. Сейчас он снова был просто Володей.

Достал из кармана ключ. Маленький. Стальной. Уже тёплый от ладони. Подержал его в кулаке несколько секунд. Потом убрал обратно.

Рано.

Протянул руку и взял со стола старую фотографию. На снимке — отец возле комбайна «Нива». Володя, совсем ещё мальчишка, рядом, улыбающийся. Стекло рамки было холодным.

Он провёл большим пальцем по фотографии и тихо сказал:

— Ну что, пап... кажется, получилось.

Ответа, конечно, не было. Только ровный гул насосов.

Володя поставил фото обратно, встал и шагнул к панели управления. На экране медленно проявлялись строки параметров. Система синхронизации. Квантовая привязка. Фазовая стабилизация. Ниже — отдельный индикатор. Маленький зелёный огонёк. «СПИН-АДРЕС».

Он смотрел на него долго.

Пальцы привычно легли на клавиатуру. И вдруг вспомнилось другое. Поле за Утёвкой. Самодельная ракета на пороховом заряде. Запах горелой бумаги. Шипение. Дымный след в небе.

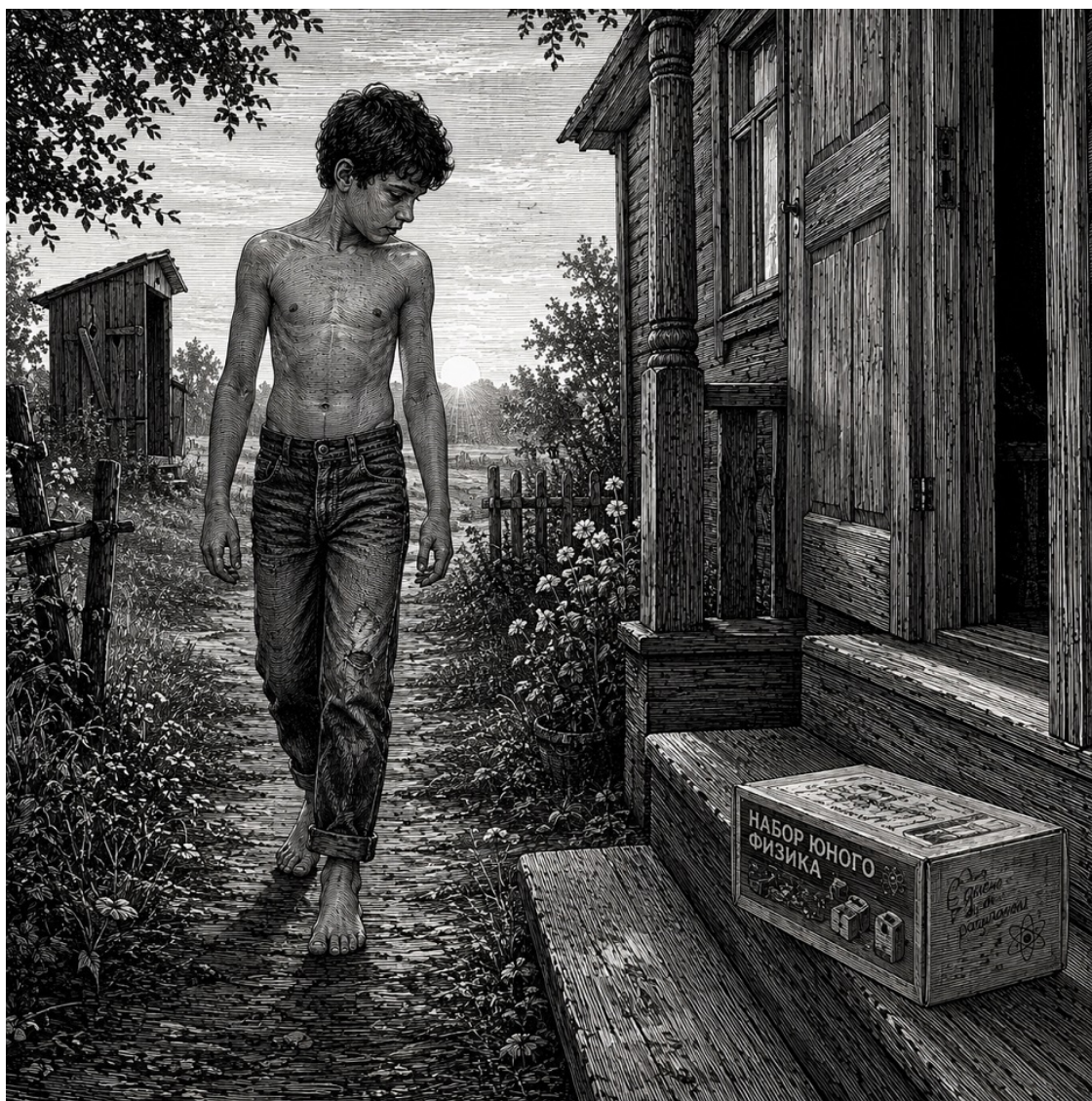
Как он тогда бежал через всё поле, задрал голову, а сердце колотилось так сильно, будто готово было выскочить из груди. Ракета упала в крапиву. Он искал её почти час, обжигая руки, и всё-таки нашёл. А вечером, лёжа на кровати, подумал: «Вот бы летать без пороха. Просто так. За счёт какого-нибудь поля».

Володя медленно выдохнул. И нажал кнопку.

Мир схлопнулся. Без вспышки. Без удара. Просто пространство вдруг перестало быть пространством. Тело стало невесомым. Реальность исчезла. Остался только гул. Низкий. Глубокий. Давящий.

«Главное — не перепутать ступеньку», — успел подумать он.

А потом вспышка полоснула по глазам. Резкий запах озона хлынул в лицо. И сразу следом — другой запах. Горький. Степной. Полынь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕТСТВО, ЮНОСТЬ, ЖИЗНЬ (1983–2011)

Глава 1. Коробка на крыльце

Август 1983 года. Уборка шла полным ходом.

Отец поднял его затемно. Володя сбросил одеяло, натянул джинсы, не застёгивая ремня, и выскочил в сени. Дверь, разбухшая от росы, поддалась только с третьего толчка. Босые ноги обожгло холодом. Он пробежал по тропинке в сад, к сортиру за яблонями, уклоняясь от низких веток.

Когда возвращался обратно, заметил на нижней ступеньке коробку. Картонную, с ярким рисунком. «Набор юного физика». Наклонился, поднял. От коробки шёл запах свежей типографской краски, и лёгкий металлический привкус остался во рту. На крышке, сбоку, было выведено: «С днём рождения».

В семье день рождения был только у него. Значит, ему.

Разглядывать было некогда. У правления уже гудел грузовик, собиравший механизаторов на работу. Володя сунул коробку в сени, на лавку, и побежал, одеваясь на ходу.

У правления, в сером рассветном воздухе, мужики уже грузились в кузов. Отец сидел у борта, молча кивнул, когда сын забрался рядом. Грузовик тронулся, и они поехали к полям — туда, где с вечера остались комбайны.

На месте началось традиционное утро. Помощники комбайнёров — такие же пацаны, как Володя, — набивали шприцы солидолом и шприцевали узлы: втулки, подшипники, шарниры. Механизаторы проверяли натяжение ремней и цепей, настройку решёт, давление в колёсах. Потом приезжал заправщик, и пока он по очереди заправлял комбайны, помощники сметали пыль с воздухозаборников на радиаторах охлаждения и продували воздушные фильтры.

С наступлением рассвета комбайны один за другим выстраивались в поле. Солнце ещё не вошло в полную силу, и пока было прохладно, Володя сидел в кабине рядом с отцом и следил за работой механизмов: мотовило наклоняло колосья, жатка срезала, барабан обмолачивал. Хлеб стоял стеной.

Уже вечером, когда они снова были на месте, а бункер наполнился и они остановились на обочине в ожидании разгрузки, отец вдруг вспомнил:

— Ты что там нашёл утром? На крыльце.

Володя словно застыл от вопроса. Он и забыл про коробку.

— Да не знаю. Какая-то посылка.

— Ну, вечером глянешь.

Домой вернулись затемно. Володя, пахнувший соляжкой и хлебной пылью, вошёл в сени и взял с лавки коробку. Пройшёл в свою комнату, сел за дубовый стол, зажгёт лампу. Открыл.

В пенопластовых ячейках лежали: батарейный блок, моторчик с шестерёнкой, катушка медного провода, пара лампочек, магнит в отдельном углублении и пакетик с металлическими опилками.

И ещё много чего, но он взял опилки, высыпал щепотку на стеклянную пластину. Поднёс магнит.

Опилки зашевелились.

Пальцы замерли над стеклом.

Он подвёл магнит ближе. Опилки вздрогнули не сразу. Сначала — едва заметно. Потом начали выстраиваться. Парень прищурился. Где начинается поле? На каком расстоянии? Почему именно так?

Он подвинул магнит ещё раз. Опилки снова сложились в ту же дугу. Точь-в-точь.

Пять раз. Десять.

Каждый раз — та же дуга. Словно помнили.

За окном уже прокричали первые петухи. Скоро снова вставать. Опять в поле.

Володя осторожно ссыпал опилки обратно в пакетик, но на стекле всё равно осталась тонкая серая дуга. Он провёл по ней пальцем. Потом погасил лампу.

Он сидел в темноте и думал о том, как всё началось.

После седьмого класса отец взял Володю помощником комбайнёра. А началось всё с того разговора.

Когда Володя пришёл из школы и увидел у одноклассников джинсы — настоящие, тёмно-синие, с жёлтой строчкой и кожаным лейблом на заднем кармане. Не те, что шили на фабрике «Москвичка», а фирменные. Дома он попросил мать:

— Мам, купи джинсы.

— Проси у отца. Ты папкин сын.

Набравшись смелости, он подошёл вечером к отцу, когда тот курил на крыльце после смены.

— Пап, мне бы джинсы. Как у ребят.

Отец затянулся трубкой, выпустил дым в сторону огорода и сказал спокойно:

— Всё это блажь. Хочешь джинсы — иди работай.

И Володя пошёл. В то же лето он впервые сел за штурвал комбайна. Не потому, что мечтал о джинсах. А потому, что понял: отец не отказывает. Он учит. И джинсы — это не про штаны. Это про то, кто ты есть.

Комбайн у них был — СК-5 «Нива», красный, с белой кабиной. На старых версиях кабины не было — только брезентовый навес и откидное сиденье для помощника, которое в шутку называли «табуреткой». У них кабина уже имелась, и Володя сидел рядом с отцом, глядя, как хлебное поле уходит под жатку.

Уборка шла прямая — с мотовилом. Хлеб стоял стеной, мотовило наклоняло колосья, жатка срезала, и дальше барабан с насечками-рифами обмолачивал зерно. Комбайн грохотал так, что за километр разбегалась вся живность. В кабине пахло соляжкой, горячим металлом и хлебной пылью. Зерно сыпалось в бункер с глухим шорохом, солома вылетала из копнителя жёлтой рекой и укладывалась в валки.

Новичок, впервые увидев вращающуюся жатку и вариаторы по бокам, не решился бы подойти. Но Володя не был новичком. Он вырос на технике с пяти лет. Каждые выходные, каждые каникулы — с отцом. То в поле, то в ремонтной мастерской, среди мужиков, их баек и разговоров. Сам уже пропах соляжкой и был перепачкан мазутом не хуже отца.

Отец учил его всему. Как настроить мотовило, чтобы колос не перебивало. Как регулировать барабан, чтобы зерно не травмировать. Как следить за вентилятором, чтобы полова уходила. Голос у него был глуховатый, с лёгкой хрипотцой — он редко говорил громко, но каждое слово Володя впитывал. То, что видел раньше, теперь делал сам.

Однажды комбайн встал посреди поля. Забился барабан.

Отец заглушил двигатель. Тишина после грохота показалась оглушительной — звенело в ушах, и было слышно, как остывает металл и как где-то высоко, в небе, поёт жаворонок. Они вышли из кабины. Солнце палило нещадно. Отец осмотрел барабан, ослабил натяжитель, вычистил забившуюся полову. Володя подавал ключи. Пот лил ручьём, мазут въедался в ладони, но через час барабан снова загудел. Отец вытер лоб рукавом и сказал:

— Техника любит терпение. Как и земля. Ты это запомни.

Обычно, после обеда, когда жара становилась невыносимой и отец уставал.

— Ну, сынок, теперь ты, — говорил он, останавливая комбайн. — А я пойду в тень, отдохну.

Володя садился за штурвал. Включал мотовило, подавал жатку, ведя комбайн ровно, как по струне. Срезанные колосья летели в барабан, чистое зерно сыпалось в бункер, а из копнителя вылетала солома, укладываясь в копны позади. Иногда он оглядывался на отца — тот сидел под деревом, курил трубку, щурился на поле. И Володя улыбался. Справлялся. После ужина отец снова принимал управление, а Володя уходил отдыхать — но не спал, а сидел тут же, в тени, слушал, как грохочут комбайны, как мужики, свободные от работы, травят байки про рыбалку, футбол, новости.

Он мог бы работать так бесконечно. Но школу надо было заканчивать, а мать хотела, чтобы он учился.

За два с половиной месяца летних каникул Володя зарабатывал по тем временам огромные деньги — от пятисот до семисот рублей. Взрослые механизаторы

получали больше, но для пацана, который ещё и в школе не доучился, это было целое состояние.

Перед началом учебного года он с друзьями ездил в город, на толкучку. Одни, без родителей. Выбирали сами: кто джинсы, кто кроссовки, а кто просто за компанию. Фирменные, не подделку — он уже научился отличать. И денег хватало ещё на всякие мелочи: билеты в кино, поездки к родственникам на каникулах, мороженое девочкам.

Сергей, старший брат, смотрел на это и молчал. Ему всё покупала мать. Он не работал в поле — говорил, что нужно готовиться к экзаменам, хотя на самом деле просто не хотел. И каждый раз, когда Володя возвращался с толкучки в обновках, Сергей поджимал губы и уходил в свою комнату, плотно закрывая дверь.

Володя никогда не хвастался. Ни разу не сказал брату: «Смотри, что я купил». Просто вешал джинсы на спинку стула и садился за уроки. Он не гордился тем, что зарабатывает. Он просто знал: это его. Не подарок. Не милость. Его.

Когда наступало время обеда, из колхозной столовой приезжала повариха — тётя Нюра, дородная женщина в белом переднике. Она расстилала скатерть прямо на земле, в тени деревьев, и разливала по тарелкам первое — горячий борщ, наваристый, с мясом. Пар поднимался столбом. Потом в эти же тарелки раскладывала второе — гречневую кашу с тушёнкой. А потом был компот из сухофруктов, густой и сладкий, вприкуску с калачом, выпеченным в печи. Калач был румяным, с хрустящей корочкой, и от него шёл такой запах, что слюнки текли.

Отец, отодвинув пустую тарелку, закурил трубку и сказал:

— Это тебе не в Москве, в ресторане «Седьмое небо». Мы там были с твоей матерью, когда ездили к её двоюродному брату. Он в московском институте работает, в лаборатории, ещё и преподаёт. Доктор физико-математических наук. Мы с матерью тебя в честь него назвали. Ну так вот еда там, может, и вкусная, но всё равно не то. А здесь — степь, жаворонки, хлеб из печи. Настоящее.

Володя слушал и кивал. Он понимал: настоящий вкус — здесь. В степи, под крик жаворонков, с калачом из печи и компотом из сухофруктов. Никакое «Седьмое небо» не сравнится.

В конце дня, когда бункер был полон, они останавливались на обочине. Солнце уже садилось за лесополосу, и степь становилась золотой. Отец закурил, смотря на пыльный горизонт.

— Ты запомни, — сказал он однажды. — Человек не только для удовольствия живёт.

Володя молчал.

— Дом поставить. Дерево посадить. Детей поднять, — отец выбил трубку о сапог и вновь набил. — Чтобы после тебя не пусто было. — Он кивнул на поле. — Земле тоже отдавать надо.

— А счастье? — спросил Володя.

Отец пожал плечами.

— Счастье — когда день не зря прошёл. Читал я Шолохова. «Поднятая целина». Кто пахал — тот и хозяин. А кто только потребляет — тот гость на этом свете.

— А если я не хочу пахать? — спросил Володя. — Если хочу понять, как оно устроено?

Отец помолчал, затянулся трубкой.

— Тогда паши головой. Это та же борозда, только глубже. И урожай с неё — не зерно, а правда.

Володя запомнил эти слова на всю жизнь.

В дождь, когда работы останавливались, он оставался дома и читал. Однажды попала старая «Техника — молодёжи» со статьёй об опытах одного советского биолога. Статья называлась «Загадка экранированной икры», и в ней говорилось: исследователь экранировал металлической сеткой две одинаковые камеры с оплодотворённой икрой лягушек. В обычной головастике развивались нормально. В экранированной — не развился ни один. Уродцы, которые вскоре погибли.

— Это потому, что экран задерживает нечто, — прочитал Володя вслух. — Нечто, что идёт из космоса или от ядра Земли.

Он обвёл эту фразу карандашом и долго сидел, глядя на неё. В комнате было тихо, только половицы иногда поскрипывали в доме. За стеной у Сергея играло радио. А Володя думал:

«Если это правда, — значит, поле Земли не просто выдумка».

Он не знал, прав ли тот биолог. Никто не воспроизвёл этот опыт чисто — по крайней мере, он не нашёл таких публикаций. Но он знал, что это надо проверить. Когда-нибудь. Когда у него будет всё необходимое.

Он закрыл журнал, потом снова открыл и перечитал абзац про экранированную камеру.

За стеной у Сергея играло радио.

Володя взял карандаш и поставил на полях вопросительный знак, и ещё долго сидел.

Глава 2. Радиокружок

Осенью Володя записался в радиокружок при Доме пионеров.

Подвал, где проходили занятия, был тёплым и сухим, пах канифолью. Запах въедался в одежду намертво, и мать потом долго проветривала куртку сына на крыльце.

Чтобы записаться, пришлось выдержать отбор. Целый месяц кандидат ходил на курсы приёма азбуки Морзе — сидел в наушниках, учил точки-тире. Из двадцати человек осталось четверо. Валерка, друг и одноклассник, бросил через неделю — скучно. Володя остался. Ему нравилось вытаскивать сигнал из треска и шума. Почти так же он смотрел на опилки под магнитом — ждал, когда беспорядок вдруг сложится во что-то понятное.

Руководитель, Иван Петрович, был фронтовиком. Про войну не рассказывал. Когда кто-то из мальчишек паял не туда, замыкал контакты, снимал очки и говорил: «Я под Кёнигсбергом за три дня спаял рацию из трофейного хлама. Не для того, чтобы вы повторили. Для того, чтобы умели». Пальцы у него были закопчённые, но двигались точно — мог припаять провод к контакту так, что шов не разглядишь.

Однажды Володя принёс руководителю свой первый приёмник на трёх транзисторах. Иван Петрович молча покрутил плату в руках, поднёс к глазам, осмотрел каждую пайку. Подросток стоял рядом и ждал. Наконец фронтовик снял очки, протёр их замшей.

— Ты не паяешь, — сказал он. — Ты думаешь.

И вернул плату. Володя вышел из подвала с приёмником в руках и только на лице понял, что это была похвала.

— Смотри, — говорил он Саньке на следующем занятии, поднося магнит к опилкам через стекло. Опилки зашевелились и выстроились в дугу. — Они чувствуют его. Поле везде. Как воздух.

Санька чихнул — у него была аллергия на канифоль.

— Ты вообще странный, Вован. Не зря тебя Энциклопедией называют. Все нормальные пацаны на великах гоняют.

— Ты не понимаешь. Это круче велосипеда.

Санька пожал плечами и пошёл паять свой приёмник.

В тот же вечер Володя попросил у отца старый электромотор от комбайна. Тот кивнул на полку в гараже — молча, не спрашивая зачем. Мотор был в промасленном корпусе, пах горелой изоляцией. Юный экспериментатор притащил его в комнату, водрузил на дубовый стол. Разобрал, вынул ротор — стальной цилиндр с обмоткой, — потратил полдня, создавая установку. Руки дрожали от нетерпения. Порезался о край металла, но даже не заметил.

Для питания взял старый мотоциклетный аккумулятор — шесть вольт, тяжёлый, с облупившейся эбонитовой крышкой. Отец отдал его молча, просто кивнув на полку в гараже. Аккумулятор пах кислотой и старым свинцом. Притащив его в комнату, Володя подключил к мотору.

Ротор крутился. Остановленный пальцем — больно, искры, запах горелого, — он через минуту был запущен снова.

Амперметр показывал почти те же цифры. Никакой экономии.

— Не работает.

Сидя над неподвижным ротором, Володя размышлял. Может, ошибка в схеме. Может, в статье. А может, эффект вообще существует только на бумаге. Но в статье были графики, цифры, ссылки на лабораторные журналы. Если это обман — очень умелый. Если правда — почему не воспроизводится?

Отец заглянул в комнату, привлечённый запахом горелого.

— Чего не работает?

— Эффект памяти. Не могу его поймать.

Отец помолчал, прислонившись к дверному косяку.

— Я в технике тоже не сразу разобрался. Главное — была бы цель и желание.

Постоял ещё немного, глядя на разобранный мотор, на опилки, рассыпанные по стеклу. Потом вышел.

Володя не бросил. Но на время отложил. Если эффект есть — он должен воспроизводиться. Если нет — значит, где-то ошибка. И то и другое стоит проверить. Но не сейчас. Сейчас не хватало знаний, чтобы понять, где ошибся он сам — или где ошибся автор статьи.

Установка была отодвинута на край стола. Магнит остался лежать рядом, на стеклянной пластине. За окном уже темнело.

Володя закрыл блокнот и погасил лампу.

Зимой 1984 года Иван Петрович впервые разрешил ему остаться после занятий.

Настоящий взрослый приёмник стоял в углу подвала, в тяжёлом деревянном корпусе, с ручками настройки, отполированными чужими ладонями до янтарного блеска. Обычно к нему не подпускали никого из младших — только старшие, и то под присмотром. Но Иван Петрович, заметив, с каким лицом ученик разглядывает этот аппарат, однажды сказал: «Ладно, присаживайся. Только не крути что попало. И наушники не снимай, пока я не разрешу».

За окнами шёл снег. Фонарь у входа в Дом пионеров горел жёлтым, и свет его падал на сугробы, делая их похожими на поверхность другой планеты. Мороз был такой, что стекло в раме потрескивало, а изо рта шёл пар, пока Володя спускался по лестнице. В подвале было тепло — грела батарея и лампы, — пахло канифолью и нагретым металлом. Тишина стояла такая, что было слышно каждое движение.

Иван Петрович сидел за своим столом, пил чай из гранёного стакана в подстаканнике, листал какой-то журнал. Володя сел перед приёмником, поправил наушники — тяжёлые, с толстыми поролоновыми амбушюрами, которые пахли пылью и чужим табаком, — и включил питание.

В уши хлынул целый мир.

Не музыка. Не передачи. А треск, шипение, далёкие голоса, прорывающиеся сквозь шум, как крики из-под воды. Обрывки позывных — короткие, как уколы. Атмосферные разряды — сухие щелчки, похожие на звук лопающейся льдинки. Где-то далеко, на грани слышимости, кто-то передавал метеосводку на французском. Ещё дальше — едва различимая речь на арабском. Эфир гудел, шипел, переливался, и Володя вдруг понял: в нём не существовало тишины. Чем дольше он слушал, тем меньше пустоты оставалось в мире.

Медленно поворачивал ручку настройки. Старая верньерная передача позволяла смещаться на волосок, на десятую долю миллиметра, и каждое движение открывало новый слой — словно под шумом открывался ещё один шум. Голоса наплывали друг на друга, гасли, снова возникали. Где-то пищала азбука Морзе — точка-тире-точка-тире, — и Володя машинально перевёл: «CQ, CQ» — общий вызов, кто-то искал связь. Он уже мог различать стиль работы операторов: один работал чётко, почти по-военному, другой — неровно, по-любительски.

Вдруг он услышал сигнал.

Странный. Неритмичный. Словно кто-то нажимал на ключ без всякой системы: то три точки подряд, то пауза, то длинное тире, то снова пауза. И всё это — на одной и той же частоте, очень слабо, почти на грани помех. Володя замер. Пальцы привычно легли на карандаш. Попытался записать последовательность: точка-точка-точка... пауза... тире... пауза...

Сигнал исчез.

Он подождал минуту. Другую. Покрутил ручку чуть влево, чуть вправо — шум, голоса, морзянка, но того сигнала не было. Снял наушники, протёр уши, снова надел. Ничего.

— Что там у тебя? — спросил Иван Петрович, не поднимая головы от журнала.

— Не знаю. Какой-то сигнал. Странный.

— Помеха, — спокойно сказал руководитель. — Или чья-то шутка. Не забивай голову.

Володя кивнул, но внутри засело. Слишком ровной была эта «помеха». Слишком повторяемой. Карандаш уже был убран, а мысль осталась: сигнал появился ровно в девять часов. Что это значит, он не знал. Но время запомнил.

На следующее утро, ещё до уроков, снова пришёл в подвал. Ключ был свой — Иван Петрович дал, доверял, потому что Володя никогда не опаздывал и всегда сдавал отчёт о том, что включал и что слушал. В подвале было холодно — батареи ещё не разогрелись, — и он сидел перед приёмником в куртке, дыша паром.

Включил питание, нашёл ту же частоту. Стал ждать.

Смотрел на часы — старые, круглые, висевшие над столом Ивана Петровича. Секундная стрелка дёргалась, отмеряя время. За окном светало, снег перестал идти, фонарь у входа погас.

В девять часов сигнал повторился. Те же три точки. Та же пауза. То же тире. В то же самое время, с точностью до минуты.

Володя снова не успел записать. Карандаш выскользнул из пальцев, покатился по столу, и несколько секунд было потеряно. Этого хватило. Сигнал исчез.

Но теперь он знал точно: это не атмосферное прохождение. Не шутка. Что-то другое. Хоть ему и влетело за пропуск уроков.

Вечером, на занятиях, дождался, пока остальные разойдутся, и подошёл к Ивану Петровичу.

— А если сигнал повторяется в одно и то же время, — спросил он, — с точностью до минуты, это что?

Иван Петрович снял очки, протёр замшей. Посмотрел на него внимательно.

— В одно и то же время, говоришь? — Он помолчал. — Может, ретранслятор. Может, маяк. Может, атмосферное прохождение.

— А если не похоже на маяк?

— Тогда помеха. — Иван Петрович надел очки. — Эфир — штука капризная. Много чего бывает.

Володя кивнул. Спорить не стал. У него было правило: не спорить с тем, кто знает больше тебя.

Вместо этого записал в блокнот частоту. Время. И поставил вопросительный знак.

За стеной потрескивали трубы отопления. В эфире снова кто-то вызывал «СQ».

Володя надел наушники обратно и медленно повернул ручку настройки.

Весной 1984 года на кружке объявили большие учения: найти «лису» — передатчик, спрятанный в лесу за околлицей. Володя взял свой приёмник — тот самый, на трёх транзисторах, с зелёным светодиодом, — и отправился с командой.

Кружок, организованный местным радиоклубом ДОСААФ, давал не только навыки пайки. Он открывал дорогу в большой спорт — спортивную радиопеленгацию, которую все называли просто «охота на лис». Игра для избранных: мало просто слышать сигнал, нужно чувствовать лес, карту и время.

По правилам, для младших юношей на дистанции ставили всего двух «лис». Но Иван Петрович договорился с судьями, чтобы их команду допустили к старшей группе. Он верил в своих сорванцов. Теперь им предстояло найти три передатчика на шести километрах пересечённой местности.

— Слушайте лес, а не только эфир, — напутствовал он перед стартом. — Опытный спортсмен, взяв направление, чувствует расстояние и на бегу фиксирует пеленг на другие «лисы». Глаза видят карту, уши слышат сигнал, ноги несут сами. Поняли?

Володя кивнул. В его наушниках уже пищала азбука Морзе — короткие послышки, у каждой свой ритм. «Лиса-один» передавала торопливо, захлёбываясь: точка-тире-точка. «Лиса-два» — медленнее, с долгой паузой между знаками. «Лиса-три» — монотонно, как дождь: точка-точка-точка. Её частота — 3,5 мегагерца, «восьмидесятка», как называли этот диапазон радиолюбители. Володя различал их на слух, как музыку.

Лес пах хвоей и прелыми листьями. Под ногами хлюпало — ночью прошёл дождь. Комары вились над головой, лезли в глаза и нос. Пот заливал лицо. Володя шёл первым, держа приёмник в вытянутой руке, и пеленг вёл его, как нитка.

Их команда — Володя, Санька и двое старших ребят — засекла сигнал «Лисы-один» прямо на старте. Теперь они пробирались через овраг. Санька поскользнулся на мокрой траве, съехал вниз, выругался шёпотом. Володя подал ему руку, вытянул. Пошли дальше. Компас прыгал в руках, наушники пищали. Каждый раз, когда сигнал усиливался, Санька тыкал Володю локтем: «Ближе! Давай правее!»

Первую «лису» нашли они.

Маленький серый ящик, замаскированный в кустах можжевельника. Володя отвлёл ветки, нащупал кнопку на передатчике, нажал.

Сигнал оборвался. В наушниках наступила тишина — и вдруг стал слышен лес. Птицы пели где-то высоко над головой, и далеко-далеко стучал дятел. Никогда раньше он не слышал лес так отчётливо. Это была его первая победа.

Время было записано в блокнот. Потом они нашли вторую «лису», но третью перехватили соперники. Всё равно команда заняла первое место. Вечером, на разборе, Иван Петрович хвалил их и раздавал пирожки с капустой в качестве награды.

— Запомните этот день, — сказал он, и стёкла его очков блеснули в свете лампы. — Вы не просто нашли жестянку в кустах. Вы научились слышать невидимое. В армии это называется радиопеленгация. И когда вы пойдёте служить, вы уже будете знать: врага можно найти по его шёпоту.

После учений Санька снова ткнул Володю локтем:

— Слышишь? Что-то странное в эфире. Как будто шипение.

Володя вслушался. Кроме обычных сигналов — щелчков, писков, обрывков речи — там был ещё один звук. Очень низкий, почти неразличимый. Будто сама земля гудела, глухо и ровно. Этот звук напоминал дыхание — медленное, размеренное.

— Это резонанс Шумана, — объяснил Иван Петрович. — Сверхнизкие частоты между поверхностью Земли и ионосферой. Основная — 7,83 герца. Ухом не услышишь, но приборы иногда ловят следы таких помех.

— А зачем они?

— А никто не знает. Может, пульс Земли. Может, просто шум.

Слово «шум» кольнуло Володю. Он вспомнил свою неудачу с мотором. Может, и здесь — просто случайность? Может, никакого «пульса» нет, а есть обычная атмосферная помеха, которую красиво назвали? Но звук был слишком ровным, слишком ритмичным для простого шума. В нём чувствовался порядок. И этот порядок хотелось понять.

Ответ Володю не удовлетворил. На следующий день он пошёл в библиотеку — маленькое здание на окраине посёлка, где пахло старой бумагой и книжной пылью. Библиотекарша, тётя Вера, знавшая его с детства, достала подшивку «Науки и жизни» за пять лет. До самого вечера он сидел в читальном зале, перелистывая пожелтевшие страницы, пока не нашёл статью о волноводах. Много непонятных слов, но суть он ухватил: Земля и ионосфера — это две обкладки гигантского конденсатора, и в этом пространстве гуляют волны. Они не затухают. Они звучат всегда, даже когда никто не слушает.

«Если у Земли есть пульс, — подумал он, — значит, у неё есть и память. Как у магнитофона. Поле всё запоминает».

В блокноте появилась запись: «7,83 Гц. Ключ?» Цифра была обведена кружком. За окном смеркалось. Володя закрыл блокнот, погасил лампу и пошёл домой.

Глава 3. Физпрактикум

В девятом классе начался физический практикум — настоящий, не тот, где учитель показывает опыты на демонстрационном столе, а ты сидишь за партой и записываешь выводы. Здесь всё было всерьёз: лабораторные столы с ящиками, полными приборов, чёрные коробки наборов, стеклянные колбы, реостаты с блестящими ручками, вольтметры в пластиковых корпусах.

В кабинете пахло — так же, как в радиокружке у Ивана Петровича, — но к ней примешивался запах старой бумаги и нагретой пыли от ламповых приборов. На

стене висел портрет Эйнштейна с высунутым языком, а под ним — самодельный плакат: «Физика — это не формулы. Физика — это понимание».

Учитель, Николай Фёдорович, рослый мужчина в очках с толстыми линзами и вечно закатанными рукавами, расхаживал между рядами и приговаривал:

— Физика, господа-товарищи, это не вера. Это опыт. Если у вас теория расходится с экспериментом — тем хуже для теории. Запомните это.

Вдоль стены стояли шкафы со стеклянными дверцами. Чего там только не было: машина Атвуда для изучения законов динамики — вертикальная стойка с блоком наверху, через который перекинута нить с грузами; маятник Максвелла, похожий на большой йо-йо; динамометры на любой вкус; штативы с муфтами и зажимами.

Первой работой у Володи было «Определение ускорения свободного падения». Он собрал установку: лабораторный жёлоб, тележка с датчиками. Вместо таймера — механический секундомер. Тележка катилась ровно, датчики щёлкали, отмечая пройденный путь, а сам экспериментатор замерял время и считал. Девять и восемь десятых метра в секунду за секунду. Почти как в учебнике.

Потом Николай Фёдорович подозвал его к машине Атвуда:

— А теперь, Кондрашев, давай по-взрослому.

Володя подвешивал грузы, и нить, перекинута через блок, натягивалась, как струна. Замерял время, считал ускорение и думал: «Почему груз падает? Почему Земля притягивает? Что это за сила, которая пронизывает всё?»

— А почему Земля притягивает? — спросил он Николая Фёдоровича.

Учитель поправил очки и посмотрел внимательно:

— Мы умеем очень хорошо описывать гравитацию. Но почему она существует вообще — вопрос всё ещё открыт. Есть теории. Хочешь — разбирайся. Для этого и практикум.

В следующем учебном году они изучали колебания пружинного маятника — и тут Володя впервые увидел резонанс. Медленно вращал ручку генератора, меняя частоту, и смотрел, как маятник вдруг начинал раскачиваться всё сильнее, хотя амплитуда толчков не менялась.

— Это и есть резонанс, — сказал Николай Фёдорович. — Когда частота внешней силы совпадает с собственной частотой системы, амплитуда резко возрастает. Энергия накапливается. Этим разрушали мосты. И этим же можно...

— Можно что? — спросил ученик.

— Можно многое. Если знать, какую частоту выбрать.

Володя вспомнил цифру в своём блокноте. 7,83 герца. «Ключ?» И впервые подумал: «А что, если у Земли есть особая частота, на которую она откликается сильнее других? И если попасть в неё...»

Потом была работа с калориметром. Он нагревал воду в спиртовке, замерял температуру стеклянным термометром со шкалой до ста градусов, вычислял удельную теплоёмкость. Вода закипала, пар поднимался над колбой, а в кабинете пахло спиртом и нагретым металлом.

К окончанию школы апофеозом стала работа «Изучение резонанса в электрическом колебательном контуре». Володя раскрыл чёрную коробку набора «Электродинамика». Внутри, в пенопластовых ячейках, лежали: амперметр, вольтметр, источник питания, катушка с медным проводом, набор магнитов, конденсаторы и транзисторы в маленьких целлофановых пакетиках.

Схема была собрана: конденсатор, катушка индуктивности, генератор. Всё соединено проводами с «крокодилами». Вращая ручку, юный физик смотрел на экран старенького лампового осциллографа.

Когда частота генератора совпала с собственной частотой контура, на экране вспыхнула ровная, чистая синусоида. Амплитуда подскочила в несколько раз. Дыхание перехватило. Стрелка чувствительного миллиамперметра дрогнула, реагируя на всплеск в контуре.

— Николай Фёдорович, — спросил Володя, не отрываясь от экрана, — а поле... оно может запоминать то, что в нём происходит?

Учитель снял очки и долго протирал их рукавом.

— Есть британский инженер Аспден. Он утверждал, что наблюдал подобный эффект. Повторить его результаты надёжно так и не удалось. Наука признаёт только то, что можно надёжно повторить. С Аспденом пока не получилось. Если тебе интересно — в библиотеке есть подшивка «Техники — молодёжи» за последние лет десять. Поищи.

Володя поискал. И нашёл.

Была ещё работа по оптике. Оптическая скамья — длинная металлическая линейка с рейтерами. Линзы — длиннофокусная и короткофокусная. Рамка с дифракционными решётками. Он пропускал свет через щель, ловил его линзами и смотрел, как на экране возникает спектр — красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Семь цветов. Как в призме из детского набора.

«Свет можно разложить, — подумал он. — А поле? Можно ли разложить магнитное поле Земли на спектр? И если да, то что мы увидим в его линиях?»

В блокноте, рядом с «7,83 Гц. Ключ?», появилась новая запись: «Спектр поля? Призма для магнетизма?»

А через месяц, уже после выпускных экзаменов, Николай Фёдорович отозвал выпускника в сторону и сунул в руки потрёпанную, ещё пахнущую типографской краской книгу: «Самодельные приборы для физического практикума» Анциферова.

— Дарю. В армии пригодится. Там, конечно, свои приборы, но голову на плечах никто не отменял. Сделаешь себе пеленгатор — будешь первым парнем на деревне.

Володя взял книгу. От неё пахло старой бумагой, но типографская краска ещё держалась — почти как на той коробке, что он нашёл на крыльце.

— И вот ещё что, Кондрашев, — наставник понизил голос. — Ты, когда схему собираешь, всегда проверяй напряжение. У нас тут розетки на тридцать шесть вольт, безопасно. А в жизни — двести двадцать. И ошибок не прощает.

Парень кивнул.

— И помни, — добавил Николай Фёдорович, — физика — это не свод законов. Это способ задавать вопросы. Ты умеешь их задавать. Остальное — дело техники.

Глава 4. Армия

После выпускных экзаменов Володя поступил в сельскохозяйственный институт на кафедру автотранспортного хозяйства — АТХ, как передовик производства. Подал документы, ждал начала учебного года, а пока работал в колхозе механизатором. Всё складывалось как надо. Отец, узнав о поступлении, одобрительно кивнул — это означало, что он доволен.

Занятия начались в сентябре. Володя втянулся в учёбу, ему нравилось: чертежи, расчёты, устройство двигателей. Всё, что знал с детства руками, учил в школе на курсах, теперь обретало формулы. Но через несколько месяцев пришла новость:

приказом министерства обороны военную кафедру в институте отменили. А следом — повестка. В этот год был недобор, и призывали всех, кто не успел забронироваться.

Он приехал домой на выходные и сказал отцу прямо:

— Я забираю документы из института и иду служить.

Отец долго молчал, потом сказал:

— Хозяин — барин. Решил — служи.

Мать заплакала. Сын обнял её и сказал:

— Я вернусь. После армии восстановлюсь, если что на заочном. Всё будет нормально.

Володя и предположить не мог, что через несколько лет, когда уедет на Север, переведётся из Самарского СХИ в Тюменский индустриальный институт и закончит его уже не как инженер АТХ сельхозпредприятий, а как инженер-механик АТХ нефтяных и газовых. Но это будет потом.

В ноябре 1988 года его призвали.

Поезд прибыл под Ленинград ночью. Мокрый ветер с Финского залива ударил в лицо, едва новобранец вышел на перрон. Казарма встретила запахом креозота, потных портянок и гуталина. «Здесь даже небо другое — низкое и чужое», — подумал он. Радиотехнические войска, длинное серое здание с облупившейся краской на окнах. По утрам, когда рота выбегала на зарядку, с залива дул пронизывающий ветер — сырой, ничуть не похожий на сухой степной воздух Утёвки. Первое время Володя мёрз, потом привык.

Здесь он впервые увидел настоящие магнитометры — феррозондовые, применявшиеся в системах обнаружения магнитных аномалий. Пеленгаторы, способные засечь передатчик за сотни километров. Осциллографы с зелёной развёрткой, которая плясала, реагируя на малейшие изменения поля. Всё, что в радиокружке казалось вершиной техники, здесь было повседневностью, на которой теперь учили работать.

Капитан Рябов, командир взвода, был невысоким, сухощавым, с сединой на висках и усталыми глазами. Носил очки с треснутым стеклом — левое пересекала тонкая, как волос, трещина, — и никогда их не менял, потому что «привык». На столе в каптёрке стояла фотография сына — мальчишки примерно того же возраста. Рябов заметил, как молодой солдат смотрит на осциллограф, и однажды вечером, после развода, позвонил ему к себе.

— Младший сержант, — сказал капитан, — ты на приборы смотришь, как на живые. У тебя что, техническое образование?

— Никак нет, товарищ капитан. Самоучка. Правда, успел семестр в институте отучиться, пока военную кафедру не отменили.

— Семидесятый? — неожиданно спросил Рябов.

— Так точно. Оттуда.

Тот кивнул, будто что-то для себя решил.

— Тогда переводись на сверхсрочную. С твоей головой и руками — в институт поступишь, офицером станешь.

Володя смутился. Но ответил честно:

— Никак нет, товарищ капитан. Хочу разобраться с одной идеей.

— С какой?

— Если честно — с гравитацией.

Рябов помолчал. Потом хмыкнул, снял очки, протёр их рукавом. Посмотрел на собеседника пристально — и вдруг улыбнулся. Солдат впервые видел, чтобы командир мог улыбаться.

— Ты далеко пойдёшь, младший сержант. Если не сопьёшься на гражданке. И ушёл. А Володя запомнил эти слова.

Служба шла своим чередом, и однажды произошло то, что выделило его среди сослуживцев. Уже вторую неделю связь на одном из направлений страдала от странных помех — низкочастотного гула, который накладывался на сигнал и делал переговоры почти неразборчивыми. Офицеры грешили на атмосферные условия, но те не менялись. Младший сержант попросил разрешения разобраться.

Взял переносной пеленгатор, настроил на частоту помехи и пошёл по кабельным трассам. Шёл недолго — через плац, мимо складов, к дальнему углу части, где стояла резервная дизельная. Помеха усиливалась с каждым шагом. Внутри, у распределительного щита, обнаружился источник: плохо заземлённый генератор, который выдавал наводку прямо в сеть. Кто-то из молодых солдат, монтировавших оборудование, поленился забить штырь как следует.

Володя пере подключил заземление, зачистил контакты и доложил дежурному. Через час связь очистилась. Командир части объявил ему благодарность, а Рябов, проходя мимо, бросил:

— Соображаешь, младший сержант. Из тебя толк выйдет.

Тот молча кивнул. Не гордился — просто решил задачу. Как в детстве, когда искал «лису» в лесу. Только теперь ставки были другие.

Тянулись долгие караулы на морозе, когда ветер с залива пробирал до костей, а ты стоишь с автоматом на плече и смотришь на серое небо. Была тоска по дому. Володя писал письма родителям — длинные, на нескольких страницах. Одно запомнил особенно отчётливо:

«Мама, папа, у меня всё хорошо. Кормят нормально, не болею. Тут есть один прибор — магнитометр, с его помощью ищут подводные лодки по магнитным аномалиям. Я думаю, если его переделать, можно искать не лодки, а аномалии поля. Но пока не знаю, как. Скучаю. Володя».

Ответ от отца пришёл через месяц. Письмо было коротким: «Здравствуй, сын. Пишешь ты хорошо, по делу. Занимайся, раз нравится. А гравитацию, если что, дома победишь. Мы ждём. Отец». Солдат перечитал это письмо трижды и спрятал в нагрудный карман. Оно лежало там до самого дембеля.

Однажды вечером, перед отбоем, он сказал сослуживцам:

— А знаете, я придумал, как победить гравитацию.

Поднялся смех. «Ты, Кондрашев, перегрелся на радаре. Ложись спать». «Смотри, чтобы тебя в санчасть не направили». «Гравитацию он победит — а сапоги почистить не можешь». Володя улыбался вместе со всеми, но внутри сидела уверенность, которой не нужно подтверждения.

Только один парень не засмеялся. Связист из Сибири, чаще всего молчавший, и всегда с наушниками. Вдруг сказал:

— А может, и правда. Вот мой дед говорил: земля живая. Может, у неё и сила есть.

Эти слова тоже запомнились.

В одну из ночей, лёжа без сна после караула, Володя смотрел в бетонный потолок казармы. Тень от оконной решётки делила его на шесть частей.

Шесть граней. Как куб.

Четыре стены, пол, потолок. Четыре стороны света, верх и низ. Человек всегда в центре — окружён этими шестью гранями. Может идти вперёд всю жизнь — и всё равно оставаться внутри них. Может подпрыгнуть вверх — и упасть обратно.

А что, если одна из граней — это не пространство? Что, если стена впереди — это вчера? Если проломить её — окажешься не в соседней комнате. Окажешься в прошлом.

Мысль была безумной. Но почему-то казалась удивительно логичной.

Сердце заколотилось. Он понял: куб — это не модель пространства. Это модель всего. Пространства и времени. И чтобы путешествовать, не нужно лететь. Нужно просто найти способ проломить нужную грань.

Рядом заворочался сосед:

— Ты чего не спишь, Кондрашев? Опять придумываешь?

Володя не ответил. Смотрел в потолок, видел развёртку куба, как чертёж детали в проекции.

«Чудак. Может, и чудак. Но если я прав — чудак, который проломит стену».

Утром: «Рота, подъём!» — он встал и пошёл чистить зубы, как будто ничего не было.

Глава 5. Работа и деньги

Дембель пришёлся на осень 1990 года. А через год с небольшим Союз развалился окончательно. Володя вернулся уже к талонами, очередями и пустыми прилавками и понял: механизатором много не заработаешь. Колхоз разваливался на глазах. Техника стояла без запчастей, поля зарастали бурьяном, мужики пили. Отец молчал, курил трубку, а вечером сказал: «В город езжай. Там сейчас все крутятся».

Мать плакала. Володя обнял её, пообещал приезжать, и уехал в Самару.

Город встретил его суетой, грязными улицами и запахом выхлопных газов. Всё здесь было чужим после села — слишком громко, слишком тесно. Он снял угол в общежитии на улице Стара-Загора, где пахло табачным дымом, сыростью и варёной картошкой из общей кухни. Соседями были такие же приезжие — кто-то торговал на рынке, кто-то работал на стройке, кто-то просто пил.

Сначала Володя работал таксистом на старой «шестёрке», купленной вскладчину с одноклассником. Возили людей от вокзала до рынка, с рынка до спальных районов. Салон пропах бензином и дешёвым освежителем. Иногда пассажиры расплачивались не только деньгами — бутылкой водки, банкой тушёнки, парой колготок. Володя брал всё — сбывал всё на рынке.

Потом начал «челночить». Ездил с клетчатými баулами в Москву, где закупал кожанки, джинсы, кроссовки. Трясся по разбитым дорогам на автобусе, в салоне где пахло соляжкой и потом. На московских оптовках нужно было держать ухо востро — могли обсчитать, подсунуть брак, а то и просто отжать товар. Володя быстро научился.

Однажды на Казанском вокзале его попытались «кинуть». Двое крепких парней отвлекали разговором — спрашивали дорогу, совали карту, — а третий в это время потянул баул. Володя заметил краем глаза, как мелькнула клетчатая ткань. Он не закричал, не побежал — он прыгнул. Сбил воришку с ног, вырвал баул и отступил в сторону. Парни наступали, но он встал и спокойно сказал: «Ещё шаг — и я вызываю ментов». Они сплюнули и ушли. Руки дрожали, но баул был при нём. С тех пор он знал: страх — это просто состояние. Главное — не испугаться.

Тогда в сводках новостей писали, что некоторых челноков убивали прямо в поездах — за баул с кожанками. Бизнес был рискованным, но и прибыльным. Володя не лез в крупные партии, работал один, без «крыши» — договаривался сам, где требовалось.

К 1992 году он скопил первую значительную сумму. По меркам вчерашнего сельского парня это казалось состоянием. И случайно встретил одноклассника, тот торговал электроникой и видеомагнитофонами.

— Возьми партию «Видаков», — сказал он. — по оптовой цене отдам. Деньги срочно нужны, перепродаж, заработаешь.

Володя купил пару. Договорился с директором Дома культуры «Огонёк» — пожилым мужчиной в застиранном пиджаке, которому нужны были хоть какие-то деньги на ремонт крыши. Сторговались на аренду подвала, и открыл видеосалон. Подвал был сырым, с низким потолком и бетонными стенами, которые Володя сам красил в синий цвет. Краска пахла ацетоном, сохла долго, но через три дня помещение было не узнать.

Приобрел в комиссионке ещё два телевизора «Рекорд» с экранами по двадцать дюймов, два десятка деревянных стульев, собрал по знакомым. На афише написал от руки: «Боевики, комедии, эротика. Весь мир у нас на плёнке». Афишу повесил у входа в ДК, старательно закрепив пластырем, чтобы ветер не сдул.

Первый сеанс был в пятницу вечером. Володя запустил кассету с боевиком и сел у входа. Народ пошёл сразу. Мужики после смены, студенты из пединститута, парочки с окраин. Стулья кончились через пятнадцать минут — остальные стояли вдоль стен. В подвале стоял плотный запах разогретого пластика от телевизоров, дешёвого табака и духов. Но никто не жаловался.

Через месяц он отбил вложения. Через три — открыл второй зал в соседнем кинотеатре, потом третий. Утренние сеансы — мультики для детей, по рублю. Дневные — боевики и комедии, по полтора. Вечерние — эротика и ужасы, по два рубля. Кассеты привозили из Москвы, иногда из Польши. Качество было так себе — «первая чистая копия» оказывалась двадцатой, с рябью и плавающим звуком. Но народ смотрел. Тогда это было чудо.

К 1995 году Володя арендовал уже пять салонов по всему городу. Нанял операторов — студентов, которые следили за техникой. Сам ездил по точкам, проверял выручку, договаривался о новых фильмах. Спал по четыре часа. Днём мотался между точками, вечером искал новые кассеты, продолжал таксовать. Деньги давались не просто — они собирались из сотен билетов, тысяч проданных мест и бесконечных поездок через весь город.

В декабре, перед самым Новым годом, он подсчитал итоговую выручку. Пересчитал трижды, не веря своим глазам. Достал из сейфа все наличные — пачки мятых купюр, перетянутых тугими резинками, — разложил на столе и долго смотрел на них.

У него было больше денег, чем он когда-либо видел, и держал в руках за всю свою жизнь.

Ночью, когда рядом ни кого не было, он заплакал. Не от бедности — от гордости. «Смог», — прошептал он в темноту. И в тот же миг перед глазами встал отец — его слова: «Не дай деньгам испортить тебя».

«Я не дал», — подумал Володя.

«Я просто хотел, чтобы ты увидел».

Но отца не было рядом. Он был далеко.

Не долго думая, он купил матери норковую шубу — длинную, тёмно-коричневую, с блестящим мехом. Мать, когда увидела, заплакала и сказала: «Володенька, да куда мне такая». Но тут же примерила и ходила в ней по дому, долго не снимая.

Отцу купил комплект новой резины для его автомобиля «Нива». Комбайны теперь были не нужны — колхоз развалился, и отец перешёл на частные подряды, пахал огороды односельчанам. Зимой ездил мало, но резина стёрлась ещё с прошлых лет.

Себе купил компьютер — «386-й», с чёрно-белым монитором и жёстким диском на сорок мегабайт. Когда он впервые сел за него и увидел мигающий курсор, он не знал, с чего начать. Позвал знакомого, чтобы тот показал, как запускать Нортон Коммандер. Всё было новым, чужим, но это был его компьютер, купленный на его деньги.

Экран светился в темноте комнаты. Белый курсор мигал, будто чего-то ждал. Володя сидел перед монитором и смотрел на него так же внимательно, как когда-то смотрел на осциллограф в армейской лаборатории. Дискеты, программы, антивирусы, Фортран и Бейсик стали его новыми друзьями.

Глава 6. Предательство

К середине девяностых у Володи уже была квартира и пара ломбардов.

Квартира появилась раньше, ещё когда он таксовал. Одна из клиенток — женщина лет тридцати, собиравшаяся в Израиль, — не могла продать своё жильё из-за юридических тонкостей, связанных с эмиграцией. Володя предложил выход: они расписываются, он прописывается, выплачивает ей договорённую сумму, а через полгода разводятся. Женщина колебалась, но другого выхода не было — уезжать надо было срочно. Уже через неделю оформили брак, ещё через месяц Кондрашов стал владельцем однокомнатной квартиры в старом элитном доме на набережной — с высокими потолками, лепниной и видом на Волгу. Въехал туда с одним дембельским дипломатом и до вечера ходил из угла в угол, не веря, что теперь эти стены — его.

Ломбарды не появились сами собой. В багажнике таксиста всегда лежал стратегический запас: водка, коньяк, иногда бутылочное пиво. Пассажиры частенько спрашивали спиртное, особенно в пятницу, и хозяин машины всегда мог предложить выбор. Как-то ночью он подвозил пожилого мужчину — тот пребывал в отличном настроении и сожалел вслух, что не подумал о выпивке заранее. В конце маршрута Володя открыл багажник и предложил бутылку «Наполеона». Клиент оказался генералом, начальником МВД Самарской области.

С той ночи Кондрашов несколько лет, по договорённости, возил генерала. Ни разу не подвёл, ни разу не опоздал, не обсуждал с другими пассажирами, кого и куда везёт. Сначала общались через пейджер, потом высокопоставленный пассажир привык к молчаливому водителю и начал давать поручения посерьёзнее, уже по мобильному. Когда Володя решил открывать ломбарды — а время было такое, что бизнес без защиты не жил, — то позвонил генералу и изложил идею. Выслушав, немолодой военный предложил в качестве соучредителя свою супругу: самому, как государственному служащему, было нельзя. Так его бизнес получил защиту, о которой другие предприниматели в городе могли только мечтать.

Осенью, в один из приездов к родителям, Володя встретил Сергея. Брат сидел на кухне, осунувшийся, с потухшим взглядом. К тому времени он уже развёлся с женой и жил у стариков — ни дома, ни работы, ни семьи.

Володя вышел на крыльцо. Следом, прихрамывая, выбрался отец. Они стояли молча, глядя на степь, где уже было заметно наступление зимы, а солнце садилось за лесополосу.

— Ты изменился, сын, — произнёс отец негромко. — Здорово изменился. Деньги теперь уже не считаешь. На людей смотришь оценивающе, как на товар. Ты уже не тот, кем я учил тебя быть, не как раньше.

Младший сын молчал.

— Остайся человеком. Каким был, когда мы вместе работали. Брату помоги. Ему тяжело.

Вечером, за семейным ужином, Володя предложил Сергею возглавить ломбарды. Переехать в его квартиру. Жить по-человечески. Брат долго отнекивался, но согласился. Володя взял с него слово: развивать бизнес и помогать родителям. Сергей поклялся.

В течение недели он передал брату дела, объяснил тонкости, собрал дембельский дипломат и купил билет на Север. Уезжал не навсегда — работал вахтами, иногда возвращаясь в Самару между сменами.

Нижевартовск встретил суровой зимой. Мороз под сорок, ветер с болот пробирал до костей. Город стоял на сваях — вечная мерзлота не позволяла строить иначе. Володя снял угол в общежитии и поступил в местный учебный комбинат — школу подготовки кадров. Три месяца изучал устройство буровой, технику безопасности, технологию бурения. А потом получил распределение на Самотлор — помощником бурильщика. Начались бесконечные вахты.

Посёлок располагался в паре часов езды от города, среди заснеженных болот и редких сосен. Жили на вахте — в вагончиках, разбитых на две секции. В каждой — четыре спальных места, и вечно мокрые ватники у входа сушились на верёвке.

Пахло нефтью, мокрой одеждой и потом. За окнами выл ветер, задувая в щели, которые затыкали ватой из старых матрасов. В вагончике было жарко от батарей — топили щедро, подключали к котельной на буровой, благо нефть рядом, — но по полу тянуло холодом. По утрам вода в ведре затягивалась ледяной коркой.

Работали вахтами: две недели на месторождении, две недели отдыха. Володя вставал затемно, пил горячий чай из жестяной кружки и шёл к буровой. Работа была тяжёлой, но он не жаловался — привык с детства. Мужики вокруг были разными: кто-то приехал за длинным рублём, кто-то прятался от алиментов, кто-то просто бежал от прошлого. Но на вахте все держались друг за друга — без этого было не выжить.

Сосед-татарин, бурильщик из Казани, угощал домашним чак-чаком — его жена передавала каждую оказию. Володя впервые попробовал эту сладость, запивая крепким чаем, и подумал: «Вкус детства. Как мамины печенья». Иногда по вечерам мужики собирались в штабе, смотрели старый телевизор, травили байки. Один, пожилой оператор с седыми усами, всё любил повторять: «Нефть — она кровь земли. К ней с уважением — и она к тебе с милостью». Володя слушал и думал: «Как поле. Как опилки».

Он писал письма Лене — учительнице биологии, с которой познакомился незадолго до отъезда. Длинные, подробные, на нескольких страницах. Рассказывал про Север, про работу, про то, как скучает. Она всегда отвечала, каждое письмо согревало, оставляя надежду, и он перечитывал их по нескольку раз. Родителям тоже писал — коротко, по-мужски: «Жив, здоров, работаю».

В 2001-м Володя приехал в Утёвку в отпуск. Лето, жара, пахло полыньёю и нагретой землёй. Вошёл в родительский дом — и замер.

Мать сидела на кухне, заплаканная. Отец молча стоял у окна и курил. Сергей лежал в своей комнате на продавленном диване — пьяный, небритый, в мятой рубашке. От него разило перегаром и застарелым потом.

— Ломбарды спустил, — тихо сказала мать. — Всё, что было.

Володя молчал. Внутри поднималась ярость, но он погасил её — не для того, чтобы простить, а чтобы не сломаться. На следующий день поехал в Самару, в офис, где когда-то работал. Голые стены, пыль на полу. Открыл сейф — внутри пусто. Только записка, сложенная вчетверо: «Прости, брат. Так получилось».

И оловянный солдатик. Тот самый, с отломанным штыком, которого Сергей подарил ему на семилетие. Володя взял игрушку в руки. Солдатик был холодным. Сжал его в кулаке — острый край отломанного штыка впился в ладонь, но пальцы не разжались.

Просто сел на пол рядом с сейфом и долго сидел так, привалившись спиной к холодной стене. Перед глазами всплыли обрывки: поджатые губы Сергея за столом, когда отец читал статью, его спина, исчезающая во дворе, когда сам он уходил в армию. Мозаика сложилась. Это была не случайность. Не пьяная дурь. Это была система.

Внутри была не ярость — пустота. Будто что-то вырезали, и на этом месте осталась дыра.

Он распродал остатки, рассчитался по долгам. Сергея не выгнал — договорился со знакомым фермером в Утёвке, чтобы тот взял его под начало, оставил денег на первое время. Условие: работаешь честно — я тебе помогу встать на ноги. Брат обещал. Мать говорила: «Он исправится, вот увидишь». Володя кивал, но внутри уже предвидел итог.

В 2003-м уволился с Севера, открыл ИП в Самаре и устроил Сергея к себе — забрал на ремонт квартир и строительство коттеджей. Дал долю в бизнесе. Тот работал старательно, не пил, даже начал встречаться с женщиной. Володя вновь поверил. Мать убедила. Но позже понял, что опять ошибся.

Через полгода Сергей исчез, занял и проиграл деньги. В офис пришли братки в кожаных куртках, но сейф был пуст, рассчитаться за брата оказалось нечем. Володя переписал имущество фирмы на подставных лиц, получил расписку брата и разорвал её.

Стоя над клочками бумаги со знакомым почерком, осознал, что прощать не за что. Не потому, что обида была слишком сильной. А потому, что нечего прощать. Человека, которому он верил, не существовало никогда. Это был мираж, который просто растаял.

Володя приехал к родителям и заперся в гараже на сутки. Не пил. Не плакал. Просто разбирал старый моторчик от комбайна — тот самый, который когда-то сжёг в своей комнате, — и собирал обратно. Разобрал снова. Собрал снова. Руки были в мазуте, спина ныла от долгого сидения на корточках, но эта боль была почти приятной — она напоминала ему, что он ещё жив, что он ещё может что-то делать, что-то чинить. Через день вышел, умылся ледяной водой из-под крана, посмотрел в зеркало и сказал:

— Больше никогда.

Оставил оловянного солдатика на верстаке. Погасил свет, закрыл гараж и начал собираться обратно на Север.

Глава 7. Голова вместо спины

Володя вернулся на Север, Лена поехала с ним, первым делом они обменяли самарскую квартиру. Однокомнатная в старом доме на набережной ушла с доплатой, а взамен получили двухкомнатную в новом доме в центре Нижневартовска — с горячей водой, с балконом, с видом на заснеженные улицы. Лена, увидев квартиру, заплакала. Муж стоял в дверях, мял шапку в руках и не знал, куда деться от счастья.

Свадьбу отметили скромно, в кругу немногих друзей, что остались жить на Севере. Невеста надела платье — не подвенечное, а просто лучшее, что у неё было. Жених надел костюм, купленный вскладчину с будущей женой. Расписались в загсе, посидели в кафе, потом гуляли по городу, и снег падал на плечи.

Лена стала работать в местной школе — вела биологию у старших классов. Приходила поздно, уставшая, но никогда не жаловалась. Муж всё так же работал вахтами, бурильщиком на буровой. Жизнь пошла размеренная, трудовая, с редкими выходами в кино и обязательными письмами родителям в Утёвку.

А потом случилась авария.

При подъёме бурового инструмента во время разборки свечей остаточное давление подбросило свечу. Она буквально взлетела на крюкоблоке — тяжёлая, стальная. Рядом стоял помбур, молодой парень, который не успел среагировать. Володя оставил пульт и бросился к нему — не думая, предотвратил трагедию. Успел оттолкнуть парня. А сам попал под удар.

Свеча достала по касательной, но этого хватило. Удар отбросил его на клиновую, и позвоночник пришёлся о стальной выступ. От боли он потерял сознание. Потом она вернулась — не такая, как при ожоге или порезе. Глубинная, идущая откуда-то изнутри, от самого основания тела.

С буровой увезли на скорой. В больнице, куда доставили пострадавшего, собрался консилиум. Диагноз звучал как приговор: раздроблен хрящевой диск, смещение позвоночника, перелом лучезапястного сустава левой руки, трещина в голени. Собирали два с лишним месяца. Сначала — операция на позвоночнике. Потом — гипс, капельницы, неподвижность. Потом — снова операция. Потом — долгое, мучительное восстановление.

Лена была на четвёртом месяце беременности. Приходила каждый день, сидела у кровати, держала за руку. Володя смотрел на жену — бледную, с тёмными кругами под глазами — и думал: «Я не могу её подвести. Не могу оставить одну с ребёнком». И от этой мысли сжимал зубы и терпел.

Выписали только через два с половиной месяца. Диагноз в выписке был сух: «К тяжёлому труду не годен». Он вышел из больницы, опираясь на палочку, и вдохнул морозный воздух. Жив. Но что теперь?

Лена встретила мужа на крыльце. Они постояли молча, глядя друг на друга. Потом взяла его под руку, и они пошли домой. Медленно. Очень медленно.

Дома всё стало иначе. Просыпался поздно, потому что спешить было некуда. Пил чай, сидел у окна. Несколько раз пытался помочь — подмести пол, вынести мусор. После каждого раза боль возвращалась, и он снова ложился на диван. Смотрел, как Лена, уже с тяжёлым животом, тащит сумки из магазина, и отворачивался к стене. Просить о помощи не умел. Принимать её — не привык.

Работы не было. Денег не было. Квартира, ещё недавно казавшаяся счастьем, теперь висела на шее тяжёлым грузом. Лежал на диване, смотрел в потолок и пытался понять, что делать дальше.

Однажды, проходя мимо склада транспортной компании, остановился. У ворот стоял новенький экскаватор — импортный. Сервисный люк открыт, рядом на снегу лежали инструменты — видно, кто-то пытался отремонтировать и бросил. На боку

висела выцветшая табличка на иностранном языке. Грязный снег вокруг машины истоптан десятками следов. Рядом курили двое механиков.

— Третий месяц стоит, — говорил один. — Спеца из Москвы ждём. А он всё не едет.

— Может, сами? — предложил второй.

— С ума сошёл? Там мозги японские. Без диагноста даже не лезь.

Постоял, послушал и пошёл дальше. А вечером сел за стол, достал старый блокнот и записал: «Импортная техника. Микросхемы. Специалистов нет. Техника простаивает». Он не знал ещё, как к этому подступиться. Но чувствовал: вот она, ниша. Там, где другие видят проблему, бывший бурильщик видел задачу.

Решить которую не успел, начал терять зрение.

Сначала — мелочи. Не мог прочитать мелкий шрифт в газете. Ценники в магазине расплывались перед глазами. Шурился, отводил руку подальше, подносил ближе — бесполезно. Однажды вечером, возвращаясь из магазина, не заметил фонарный столб и наткнулся на него плечом.

Лена забила тревогу. Врачи поставили диагноз: отслойка сетчатки. Нужна операция. Платная. Срочная.

Он лежал в темноте и слушал, как за стеной тихо плачет жена. Думал о том, что если ослепнет — всё будет кончено. Не только для него. Для неё. Для ребёнка, который должен был родиться через несколько месяцев. И в этой темноте, в этом отчаянии, вдруг вспомнил дубовый стол в Утёвке, стеклянную пластину и металлические опилки, которые выстраивались в дугу под магнитом. Вспомнил, как не спал ночами, пытаясь понять: почему они танцуют? Где начинается поле? Всё это было там, глубоко, под слоями прожитых лет — забытое, но не потерянное. Не думал об этом с тех пор, как уехал от родителей. А теперь — вспомнил. И подумал: если выздоровеет, то обязательно к этому вернётся.

Принял решение: найдёт деньги. Во что бы то ни стало. Потому что если тело больше не может работать — значит, должна работать мысль. А думать он ещё мог. И всё ещё был инженер с дипломом.

Вечером, сидя с Леной на кухне. Он изложил ей план. Не стал скрывать, что обратился к старому знакомому — Палычу, механику с карьера, с которым знаком ещё с прошлых времён. Тот обещал дать в долг, но под залог половины квартиры. Если операция пройдёт успешно, Володя вернётся и откроет своё дело — ремонт импортной техники. Если нет — Лена продаст или обменяет двухкомнатную квартиру на однокомнатную с доплатой и рассчитается с долгом.

Жена слушала молча. Потом встала, подошла к нему и положила руки на плечи.

— Делай, что должен. Я с тобой.

Через двое суток Кондрашов сидел в поезде, который увозил его в Новосибирск. За окном проплывали заснеженные леса. Он глядел на них и думал: если вернётся здоровым — а он обязан, — то начнёт всё заново. Не с ломбардов. Не с такси. С головы. С того, что умел лучше всего: знал как устроена и работает техника.

В больнице, после осмотра, врач долго молчал, перелистывая результаты анализов. Пациент ждал.

— Ситуация сложная, — сказал врач наконец. — Положительный исход вероятен, но не гарантирован. Будем оперировать.

— Я согласен.

Операцию провели на следующий день. Под местным наркозом, в полном сознании, он прошёл путь от смутных теней до кромешной темноты, а потом — к

свету. Когда повязку сняли, мир оказался нечётким, плывущим, но видимым. Через три дня — вторая операция. И снова темнота, и снова свет.

Через неделю уже стоял на вокзале в ожидании поезда. Перед отъездом купил в киоске две книги: «Бизнес со скоростью мысли» и «Конкурентная стратегия». Сел в вагон, открыл первую. Поезд тронулся. Читать новыми глазами пока было непривычно.

Глава 8. Дело

Домой Володя вернулся другим человеком, хоть ещё и продолжал иногда прихрамывать. Лена была счастлива. Оставалось совсем немного до того времени, когда они станут родителями. Но сам он не сидел сложа руки. Деньги, занятые на лечение и на жизнь, ещё оставались, и тратили их с умом. Каждое утро Володя садился за компьютер, подключался к интернету и начинал изучать устройство современной импортной техники. Ролики, технические форумы, руководства по ремонту, советы бывалых — всё это поглощалось мегабайтами, словно сухая губка, которую сунули под кран. Лена, глядя на мужа, оживилась сама. Мало-помалу в их доме снова поселился оптимизм.

Первый заказ Володя получил через Игоря. Они учились вместе заочно в Тюменском индустриальном, мотались на сессии, снимали жильё, писали дипломы. Потом пути разошлись — Игорь уехал в Уренгой, а Володя остался на Нижневартовске. Но телефон друг друга помнили. Володя позвонил ему и сказал прямо:

— Дай мне возможность заработать. Познакомь с директором, обговорим все условия. Я не выдвигаю требований. Просто дайте мне попробовать отремонтировать то, что не работает.

— Есть у меня одна машина, — ответил Игорь после паузы. — Японский экскаватор. Две недели стоит, спеца ждут, а он всё не едет. Приезжай, посмотри. Если починишь — директор расщедрится. Ты с Андреем, кстати, контакт поддерживаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.